

В.В. МИРОНОВ

Омский государственный университет

**ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЦЕЛЕЙ И СТРАТЕГИИ ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ ЕЛИЗАВЕТЫ I ТЮДОР В ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
1950 – 1980 ГГ.**

Вопросы, задаваемые историками к периоду правления королевы, сразу обнаруживают достаточно большой комплекс проблем. Можно ли считать, что у королевы существовала внешнеполитическая концепция, была ли Елизавета ее автором, изменялись ли цели ее международной деятельности, каков характер ее политики? Все это постоянно обсуждалось на страницах исторических исследований в 1950 – 1980 гг. При этом правомерность самого употребления термина «внешняя политика Елизаветы» вызывала сомнения. Как заметил Э. Кюри, «исторические исследования и сегодня еще слишком далеки от достижения консенсуса по этой проблеме»¹.

По-видимому, впервые поднял проблему целей внешней политики Елизаветы Ричард Брюс Вернхэм в 1950 – 1960 гг. В ряде исследований он отстаивает мысль, что политика Елизаветы I была более или менее рациональной и постоянной, так что в отношении нее можно говорить о стратегической концепции международных отношений². Кто бы ни был инициатором планов, окончательное решение принадлежало королеве.

Уже после первых его исследований в 1970 годы Р.Б. Вернхэму стал возражать специалист по Нидерландской революции Чарльз Вильсон. Остановимся на его аргументах более детально. И Вернхэм, и Вильсон настаивают на принципиальном участии Англии в событиях Нидерландской революции. Более того, первый настаивает, а второй не отрицает, что позиция королевы могла отражать геополитический интерес страны. В этом случае

дипломатическая и военная деятельность Елизаветы касалась некоторых национальных проблем (в частности, императива территориальной безопасности королевства) и может быть названа внешней политикой, с точки зрения Р.Б. Вернхэма. Ч. Вильсон считает эти доказательства не достаточно убедительными, поскольку первый историк, да и вся «английская историография попала под ряд либеральных штампов, которые прикрываются понятиями национального интереса, патриотизма, и, отчасти, ксенофобией для оправдания интервенции»³. Как могла королева повлиять на ход событий в другой стране? Этот вопрос требует ответа и на другую проблему: чем была Нидерландская революция и что Елизавета могла поддерживать в ней? С его точки зрения, революция не была единым общественным движением, а правильнее считать ее серией восстаний, представлявших различные интересы социальных, экономических и идеологических групп. Иногда местные движения шли параллельно, иногда конфликтовали друг с другом, иногда соединялись в одно⁴. Что касается характера революции, то здесь кембриджский историк обобщает выводы исследований 1960 гг. в нидерландской историографии. Революцию можно охарактеризовать как социальную, так и религиозную. Главные проблемы лежали в отношениях раскола между протестантским большинством севера и католическим меньшинством юга. Хотя основные события разворачивались на севере, эмигранты с юга играли главную роль в создании северной экономики. Благодаря им возникла новая текстильная промышленность Амстердама, льняное производство Харлема, суконные мануфактуры Лейдена, банковские и торговые дома, равно как и крупные колониальные компании. Это, главным образом, были протестанты. Влияние протестантской диаспоры было не только экономическим и политическим, но и культурным⁵. Колыбелью революции был юг, и даже анализ его долгов северу не может многое прояснить. Таким образом, дипломатическая способность Елизаветы повлиять на эти разрозненные местные движения, экономические и

культурные интересы кажется историку иллюзорной. Ее послы не могли быть больше, чем наблюдателями за победами и поражениями, которые шли по разным районам, раздробленным реками. Тогда на военное и финансовое участие королевы стоит посмотреть не с точки зрения последовательности и завершенности целей ее политики, а сквозь важность некоторых событий для Англии. Она не могла встать на путь отстаивания традиционных голландских свобод, потому что была большим реалистом, чем это предполагал Р.Б. Вернхэм. В сложных политических обстоятельствах она и ее Совет прибегали к оказанию финансовой и военной помощи Соединенным Провинциям, но делали это неэффективно, почти безрезультатно, и не смогли в условиях войны с Испанией создать единое антигабсбургское движение⁶. Это была политика обстоятельств, а не принципов, и она не являлась стратегической целью правительства королевы. В этом смысле внешнеполитического курса Елизаветы не могло быть, а было лишь понимание важности отдельных проблем, которое не реализовалось. Это не внешняя политика, а ее отсутствие и неумение извлечь выгоду для страны из образовавшейся ситуации.

По-видимому, полемика между данными учеными была продолжена в 1970 - 1980 гг., поскольку Р.Б. Вернхэм в поздних своих исследованиях уделял более пристальное внимание анализу процесса принятия решения, создания внешнеполитических планов и обоснованию геополитических мотивов⁷. Однако наличие источников в стране не позволяет выявить обоюдные результаты дискуссии, к которым пришли эти ученые.

По другим работам можно сказать, что все-таки точка зрения Р.Б. Вернхэма превалирует в литературе. Во всяком случае, исследования Коня Риды и Алана Роуза рассматривают внешнюю политику Елизаветы как состоятельную, но не дают такой хвалебной оценки, как Р.Б. Вернхэм⁸. В 1987 г. для Э.И. Кюри проблема видится уже в определении характера политики королевы⁹. А исследования Уолласа Маккаффри и Джорджа Рамзея детально

анализируют природу ее международной политики, но не в такой резкой форме, как предлагал Ч. Вильсон¹⁰. Таким образом, наверное, можно применять термин «стратегия внешней политики Елизаветы», если не лично к королеве, то в отношении ее правительства.

Что касается целей проводимой политики, то П.С. Кроусон выделяет таких три¹¹. Главная цель, как императив любой внешней политики – это предотвращение и организация защиты против вторжения в страну. Елизавета стала править во время перемирия с Францией и изначально сознавала эту проблему. Второй магистральной целью правительства было сохранение на троне династии. Эта проблема касалась королеву меньше, чем других Тюдоров, но, видимо, она из-за нее и не решилась выйти замуж ни за Филиппа II, ни за Алансона. Третья цель не была главной, но исторически ее можно выделить, хотя часто она и не осознана – это поиск мест и партнеров для расширения торговых возможностей страны, особенно вдоль новых торговых маршрутов, и укрепление отношений с Нидерландами.

Возможно, что первая и последняя цели политики отражали составляющие формирующегося национального интереса Англии. Однако понятие национального интереса в политике XVI в. может быть оспорено существованием еще одной цели деятельности, на которой настаивает Э.И. Кюри. Это стремление к поддержанию протестантских государств Европы. Данная линия политики является наиболее дискуссионной. Если мы признаем религиозный императив в качестве цели, то применение понятия национального интереса теряет смысл, что и подметил Ч. Вильсон. Что касается династической политики, то она была целью и для средневековых монархов и здесь мы сталкиваемся с той же нехваткой новизны. С точки зрения имперской историографии, категория «величие» может оказаться намного более важной по отношению к задаче национальной безопасности и в новое время. Это опять подводило исследователей к выяснению природы тюдоровского режима в 1970

гг. (П. Вильямс)¹².

Интересно, что инициатором проведения религиозной внешней политики в литературе считается не королева, а либо советники (Р.Б. Вернхэм), либо моряки (А.П. Ньютон)¹³. Сама Елизавета долгое время не желала вмешиваться в нидерландские события, не имея привязанности к людям, выступившим против законного правителя. Вильям Сесил впервые настаивал на проведении союзнической линии в отношениях со всеми протестантскими государствами в 1560 гг. В 1570 – 1580 гг. эту линию проводил Ф. Уолсингем, поддерживаемый фаворитом королевы – графом Лейстером, но Берли как казначей теперь выступил принципиальным противником таких политических начинаний в Совете. На фоне этих исследований кажется несколько странным постановка проблемы Э. Кюри: «Елизаветинский режим был протестантским с самого начала, но в конфессиональных аспектах внешней политики советники не всегда сходились... Лучшим решением было отождествление английских интересов с протестантскими интересами и продвижение политики твердого протестантского альянса, в котром германские государства и скандинавские страны являлись ключевыми»¹⁴. Возникает вопрос, насколько правомерно рассматривать формирование протестантского альянса, если как внешнеполитическая цель она не принималась королевой и не всегда находила понимание в Совете? Каковы были способы реализации этой цели? Здесь, на мой взгляд, более строгий подход был предложен тем же Ч. Вильсоном. Внешняя политика более пристально изучается историками, чем современниками. Первые стремятся придать некоторым поступкам логически завершенную форму. Для Совета королевы в определенное время было желательно наличие сильного союзника в лице протестантских государств. Реального механизма реализации этой программы не существовало. Более того, у королевы был очень своеобразный способ решения международных проблем. Она так долго медлила с принятием окончательного решения, что некоторые из

проблем просто переживала и они исчезали сами собой. Осторожность и неучастие были частью ее тактики, а не стратегии. Поэтому, как заметил Э. Кюри, на провокационный вопрос историков: руководствовалась ли она в своих поступках «истинной верой» или «национальным интересом», королева могла бы ответить «да»¹⁵. Поэтому исторически можно выделить те или иные цели деятельности королевы, некоторую стратегию их проведения, но, скорее всего, правительство действовало по обстоятельствам. Таким образом, проблема определения целей и стратегии Елизаветы Тюдор в исторических исследованиях 1940 – 1980 гг. распадется на ряд аспектов анализа и требует детального рассмотрения конкретных внешнеполитических шагов.

Когда же исследователи гипотетически выделяют различные цели и оперируют такими понятиями, как «национальный интерес» или «религиозный характер политики», то этот более теоретический уровень осмысления обнаруживает явные минусы для исследований XVI в. Наиболее ярко это видно в вопросе стратегии королевы. Ее цели могли меняться, и было бы несправедливо рассматривать общую стратегию поведения, которую формировали обстоятельства. Как минимум, можно выделить три периода в правлении, настаивая на политике последствий.

I. (1558 – 1564 гг.) Елизавета I стала править в момент, когда Англия была открыта для атаки. Хотя шли мирные переговоры с Францией, страна фактически находилась в состоянии войны, пока континентальные войска размещались в Шотландии и пока там правила французская дофина Мария Стюарт, объявившая себя законной католической наследницей английского трона. В Риме еще до официального отлучения Елизаветы Папа объявлял Тюдор незаконной, предоставив Франции мандат на вторжение. Положение королевы зависело от английского альянса с Испанией. Но и союз не давал полной уверенности. Филипп мог заключить с Францией сепаратный мир и даже принять участие в разгроме королевства в случае отлучения. И, тем не

менее, Елизавета решила положиться на поддержку испанского короля и ее дипломаты уверяли Филиппа, что Мария Стюарт будет врагом испанских интересов в Англии¹⁶. В этом, наверное, они были правы. Кроме того, существовала сильная основа англо-испанского сотрудничества и в Като-Камбрези в 1559 г. Филипп старался обезопасить интересы Британии.

Главный вопрос переговоров был о будущем Кале. Елизавета I сразу не соглашалась на его потерю. Лишь после месяца обсуждения Генрих II предложил спасующий лицо Англии вариант, с которым согласилась британская сторона. Власть удерживается в городе в течение восьми лет, а затем Франция либо отдает Кале Англию, либо выплачивает ей компенсацию. Эти условия и были подписаны 2 апреля 1559 г. Согласно Джону Нилу, заключение договора освободило Елизавету от необходимости появиться королеве религиозно-консервативной в 1559 г. для сохранения испанского альянса и предоставило возможность правительству полностью завершить Реформацию церкви¹⁷.

На последнем аспекте деятельности акцентировала внимание в послевоенный период и работа Норман Джонс¹⁸. Заключение мира не сильно улучшило отношения с Францией. Генрих II продолжал поддерживать свою племянницу в требовании английского трона и усиливал французскую при ее дворе. Но результат оказался обратным. Произошло восстание шотландской протестантской знати против профранцузской и католической политики регентши Марии де Гиз. На это обратил внимание шотландский историк Гордон Дональдсон¹⁹. По Р.Б. Вернхэму, Сесил желал помочь им. Но королева выступила против нарушения монархического принципа и Божьего права. Развитие дел во Франции усилило положение Марии Стюарт: Смерть Генриха II в июле 1559 г. возвела Марию на трон Франции как жену Франциска II. Ее дядя подавил восстание. Две тысячи солдат были посланы в августе 1559 г. в Шотландию, готовился и еще корпус численностью 8-10 тысяч человек. Тогда

шотландцы призвали Елизавету. В Совете Сесил, Пемброук, Ховард и Клинтон поддержали предложение. Противником выступила группа, возглавляемая Николасом Бэконом. После прекращения войны им казалось лучше, если помощь будет не военной и не прямой. Тогда же герцог Норфолк высказался за проведение двойной испанской политики, если Филипп II перестанет быть гарантом союза против Франции. Герцог выдвинул идею проекта брачного альянса с эрцгерцогом Австрии для безопасности габсбургского сотрудничества²⁰. Елизавета неохотно согласилась на помощь Шотландии и снова начались боевые действия. Во Франции Руан и Дьеп оказались у католиков к 1563 г.

Таким образом, первый этап правления Елизаветы проблемно мало отличался от правления Эдуарда и Марии и его также можно считать частью кризиса. Нежелание королевы вести войну было не только следствием слабого финансового потенциала, но демонстрирует возможность потери союзника. Тогда, к проведению качественно другой линии политики Англия была еще не готова. Все это требует выяснения вопросов, связанных с англо-испанскими отношениями.

II. (1564 – 1585 гг.) В течение первого десятилетия елизаветинского правления английские отношения с Испанией были нелегкими, но особенно не изменились. Ни Филипп, ни королева не желали разрыва англо-габсбургской дружбы. Испанский монарх перед всем католическим миром предпочитал еретичку францужинке как правителью Англии и дважды в течение 1560-х гг. отговаривал Папу от отлучения Елизаветы²¹.

Со своей стороны, английская правительница желала мира с Испанией в противодействие опасной враждебности Гизов во Франции. Следовательно, несмотря на небольшие разногласия между правительством по торговле и политике, которые выражались в эмбарго 1564 г., разрыва отношений между Англией и Испанией не произошло до 1568 г. В значительной мере таким

«сердечным» отношениям способствовало присутствие испанского посла де Сильвы при тюдоровском дворе. Этому человеку лично симпатизировала королева. В сентябре 1568 г. его заменил де Спиз, поскольку де Сильва сам попросился в Венецию²².

Происхождение разрыва в англо-испанских отношениях историки связывают с нидерландскими событиями 1566 – 1568 гг. В то время как Карл V потерял династические права на власть в городах и провинциях Нидерландов, Филипп II все более стремился централизовать управление в стране. Когда в 1566 г. началась революция, он послал герцога Альбу с десятитысячной армией, увеличенной впоследствии до 50 тысяч человек на ее подавление. Позиция Елизаветы была двойственной. С одной стороны, ей не нравилось восстание, приведшее к смерти ряда государственных деятелей (Эгмонт, Горн). С другой – у нее стала возникать тревога от присутствия испанских войск в Нидерландах: глубокие гавани и попутный ветер делали страну чрезвычайно выгодной для вторжения. И если Альбе удалось восстановить испанский порядок и искоренить ересь, то он мог попытаться предпринять и такой поход против Англии²³. К концу 1568 г. кризис в отношениях назревал, так как Альба достиг военной победы над противниками, включая Вильгельма Оранского и Людовика Нассау.

Война назревала с обеих сторон. Но изначально Елизавета не желала столкнуться лицом к лицу с Испанией, а посылала маленькие силы в Нидерланды, какие раньше отправляла во Францию, пока они в 1562 – 1563 гг. не потерпели поражение от французов. Иными словами, данная тактика уже показала неэффективность. Понимая безуспешность такой стратегической линии, правительство сделало ставку на каперов, представленных В. Хокинсом и другими. Большинство историков в 1970 – 1980 гг. не сомневались в силе антииспанских мотивов, но лишь некоторые утверждали, что эти мотивы привели к использованию торговли и моря, как инструмента политики²⁴.

Подробнее на этом остановимся ниже. Таким образом, стратегия нового периода была заложена в некоторых поступках как лично Елизаветы и членов Совета, так и в деятельности моряков в ранние годы правления, но пока не привела к смене внешнеполитического курса.

Другая возможность устрашения Испании появилась в 1568 г., и ее использование способствовало перерастанию проблем в открытый конфликт. В ноябре этого года испанские суда везли 400 тысяч флоринов, которые были захвачены каперами вместе с кораблями и доставлены в английский порты. Это был заем Генуэзских банкиров на оплату нидерландской армии Альбы. Ставка Елизаветы на контроль моря пиратами, как средства устрашения, теперь привела к войне. Вначале королева хотела предоставить эскорт для сопровождения груза в Нидерланды. Но когда она узнала от Сесиля, что деньги еще не собственность Филиппа II по закону и все еще принадлежат генуэзцам, то решила сама сесть заём. Формально это был акт пиратства и именно так оценил его и Ч. Вильсон²⁵. Но этими действиями правительство закрыло возможность регулирования конфликта. Для доказательства мотивов данных акций не хватает фактов в историографии: была ли это целенаправленная ставка на войну либо повод для объявления войны Филиппом II – до конца не ясно. Уоллас Маккаффри считает, что для Сесиля важны были не деньги, а будущее протестантской Европы и усиление английских интересов в Нидерландах²⁶. Исследование Коня Риды дополнило эту мотивацию тем, что судьба третьей экспедиции Хокинса также играла роль для Берли в решении захвата кораблей²⁷. Так или иначе, но произошла смена внешнеполитического курса и без формального объявления войны она началась в 1585 г. С 1568 по 1585 гг. шла неофициальная борьба на море и на континенте. Однако С. Доран отмечает вслед за Дж. Р. Элтоном, что набеги Дрейка и экспедиция Лейстера были открытыми актами войны²⁸. Но, возможно, Елизавета смотрела на эти действия как на форму политики иными средствами для оказания дипломатического

давления на Филиппа II с целью продвижения идеи, что Англия стала страной слишком могущественной для вторжения. Отсюда, по-видимому, протестантский характер внешнеполитических шагов этих лет. Она стремилась ограничить потенциальную интервенцию настолько, насколько это было в ее силах. Поэтому действия небольших военных гарнизонов на континенте стали дополняться на море акциями частных лиц. Такая позиция объясняет и гнев королевы на Лейстера, когда он принял титул вице-короля Нидерландов в январе 1586 г.²⁹ Это не было частью ее стратегии, поскольку развязывало открытую войну.

Реакция Филиппа II на действия англичан оценивается по-разному³⁰. Но в целом они скорее усилили, чем остановили его решение атаковать острова. Вояжи Дрейка не сильно ослабили Испанию к 1585 г. С другой стороны, его действия вызвали усиление обороны в колониях. Экспедиция Лейстера, хотя и захватила Зуптен и Доэсбург к августу 1585 г. и обезопасила район иссельского побережья, но некоторые города были отвоеваны Пармой и его католическими сторонниками в январе 1587 г., а в июле того же года был захвачен еще и Слуа. Кроме того, как показано в исследованиях Джеффри Паркера, лейстеровские политические маневры с титулом лишь интенсифицировали региональный, фракционный и религиозный раскол, что и ослабило способность Голландии к сопротивлению³¹.

Цели королевы в войне против Испании отличаются от надежд ее советников и командиров. Они не включали ни разрушение испанской державы, ни создание колониальной империи. Основная идея, с точки зрения британских авторов, была в национальной безопасности³². В практических условиях это означало занятие выгодного положения в Нидерландах и свободу французских портов от испанского контроля. Но тогда необходимо предположить, что для этих задач Франция и Испания должны были быть сильными и независимыми государствами. Поэтому и не было стратегии поставить Испанию на колени, не

было крупномасштабной блокады, санкционированной правительством, или захвата колониальных баз. На море флот использовался лишь для разрушения испанских связей, перехвата сокровищ и защиты страны. На земле – ограниченные армии для ограниченных целей: например, поддержка Генриха Наваррского против Гизов в 1590 году³³. В целом, наверное, данных целей королева достигла в войне 1585 – 1603 гг. Южные Нидерланды остались испанскими, но были полуавтономные. Франция сопротивлялась Испании и католикам в 1590-е годы. А с 1595 г. Елизавета стала отходить от войны на суше. На море война шла до ее смерти. Но почему правительство не продолжило развитие военного успеха?

На это вопрос отвечает анализ третьего периода ее правления, выделяемого Р.Б. Вернхэмом, П.С. Кроусоном и другими. Это политика 1590 – 1601 гг. Цели испанской войны не были конечными целями правительственной политики. Их следует понимать в контексте стратегии национальной безопасности Англии. То, что в стране активно развивались имперские идеи, еще не означало способности государства проводить таковую политику в XVI веке, как это показала в своем исследовании Ф.А. Ятис. Англия, начиная с 1540-х годов, больше теряла в войнах с Францией, нежели приобретала. Разгром испанской Армады в 1588 г. не был победой во всей войне. Он даже не может считаться победой в морских операциях. Погода, течение и каперы делали то, что должно было делать правительство. В 1590-е гг., видимо, лишь Эссекс, и то скорее почувствовал, чем осознал, что есть шанс проведения более решительной и результативной политики, и попытался проводить ее авантюрными средствами. Страна, уступающая во многих аспектах Франции и Испании, могла быть раздавлена каждым из них в отдельности. Этого королева и боялась. Не риск, а осторожность были ее методом действий, причем мотивы поведения Елизаветы коренились глубоко в ее психологии, а не в мнениях советников. Поэтому она не довела до конца сложившиеся военные преимущества страны в

1580-е гг., когда сама ситуация в Европе изменилась в 1590-е гг. В это время главная линия национальной обороны была связана не с Испанией, а с Францией. Изменились не цели войны, а вся внешнеполитическая стратегия. Смерть Генриха III и смерть кардинала Бурбона – главы Католической Лиги во Франции, в глазах Папства и Испании сделали французский престол вакантным. Филипп мог выдвинуть требование короны от себя или от имени своей дочери инфанты Изабеллы Клары Евгении. Если бы он нашел дипломатические средства поддержки в Ватикане, то войска Пармы в Нидерландах были бы переброшены в Бретань, а Франция перестала существовать как независимое государство³⁴.

По отношению к этой угрозе нидерландский интерес Англии был менее серьезен. Один на один страна могла столкнуться с той державой, с которой она избегала военного конфликта в первый период правления. Династическая политика могла сделать то, против чего Англия была вынуждена начать войну 12 лет назад. Поэтому не испанское, а французское направление внешней политики стало магистральным в последние годы жизни королевы. Формировалась модель недопущения преобладания одной страны в Европе в интересах безопасности Англии. Для этого необходимо было поддерживать французских претендентов на престол. Хотя Генрих IV и стал католиком, но он не переставал драться против Испании. Отсюда можно понять некоторую непоследовательность и незавершенность решения нидерландского вопроса в 1590-е гг. Наверное, сложно за это винить королеву. Она боялась проиграть больше, чем хотела выиграть. При этом Елизавета действовала старой тактикой полумер, благодаря которой финансовое положение страны не стало катастрофическим. Если сюда добавить аргументы историков еще о профессиональной неподготовленности армии и неэффективность военного управления, то осторожность королевы вполне понятна. Новой политики правительство проводить действительно не могло. Интересно и то, что внешняя

политика Тюдоров заканчивается там, где когда-то начиналась – в Бретани, но на качественно ином уровне. Династические мотивы стали подчиняться императиву национальной безопасности не как прецедент, а как стратегия внешней политики последней представительницы династии.

Таким образом, с точки зрения ряда англо-американских исследователей внешняя политика изучается историками не совсем так, как это отмечали современники. Поэтому проблема определения целей и стратегии ее проведения может быть разрешена, если смотреть на деятельность королевы ретроспективно, а не синтезировать в качестве направлений разрозненные аспекты исследования англо-европейских отношений. Это выход историков за рамки традиционной истории дипломатии и применение критерия Англия в системе международных отношений. Недостатки историографической практики 1930 – 1950 гг. проявилась в исторической литературе с особой остротой в 1960 – 1970-е гг. исследования 1970 – 1980-х гг. не привели к образованию концептуального консенсуса по данной проблеме, но выработали механизм ее рассмотрения.

Во-первых, определение целей и политики елизаветинского правительства должно идти от событий к выделению причин, а не гипотетической экстраполяцией частных конфликтов на все отношения. Во-вторых, детализированные исследования демонстрируют, что в разное время стратегия, как и отношение дипломатии с войной, не была одинаковой. Необходимо учитывать эту специфику. Как минимум, существовали два резких поворота внешнеполитического курса. Первый в 1560 – 1570-е гг.: от войны с Францией и альянса с Испанией к потере союзника, и второй в 1590 – 1600-е гг. – к поддержке французов в интересах безопасности Англии. В-третьих, данные исследования касаются направления правительственной политики и только частично анализируют вклад в определение целей негосударственных участников международных отношений. Главной особенностью этого подхода

является своеобразная оценка роли личности в истории и специфическое понимание анализа политических систем. Этот аспект исследований является более широким, чем цель работы. Но отметим, что он был направлен не столько против недостатков предшествующей историографической практики (имперское и романтико-националистическое течение), сколько против детерминистского объяснения истории, представленного в методологии марксизма (в частности, в работе А.Л. Мортон) и политического реализма (Ганс Моргентау, Генри Киссинджер)³⁵. Здесь стоит остановиться на анализе идей политической истории Герберта Баттерфильда и Альберто Р. Колла в рамках традиционного направления.

В отечественной литературе первый из упомянутых ученых считается идеологом «нового» консервативного взгляда на историю³⁶. Его работа «Вигская интерпретация истории» 1931 г. оценивается как манифест данного направления. Одним из первых он выступил сторонником индуктивного и индивидуализирующего метода познания прошлого. Отчасти это справедливо. Но становление «традиционного» направления происходило в 1950 – 1970-е гг. и было связано с более широкими историографическими поисками. Г. Баттерфильд выступил в 1930-е гг. против марксистской интерпретации проблемы роли личности в истории и школы Льюиса Намюра³⁷. Сложности в указанных течениях с его точки зрения заключались даже не в чрезмерном подчеркивании экономических факторов, как настаивал Л. Намюр, а в том, что это приводило к нивелированию внеэкономических измерений, отражающих индивидуальное поведение. Сюда также не укладывались политические идеи, религия, монаршее достоинство. Марксизм отрицал автономию человеческой личности и индивидуальное проявление свободы. Утрачивался феномен уникального и неповторимого в поступках человека прошлого. Герберт Баттерфильд никогда не хотел потерять из виду этот личностный центр в историческом процессе. Ему больше нравились историки типа Ранке и Актона,

которые стремились соединить свободу и необходимость, снизив элемент спонтанности и устанавливая силы, ограничивающие случайность. Для него это было высоким синтезом политико-исторического анализа³⁸. С такими же сложностями столкнулись и исследования по динамике политических перемен в истории в 1950 – 1970-е гг. Настаивая на том, что политические системы имеют многофакторный характер и на них оказывают воздействие социальные и культурные условия, менталитет, география, конкретные исторические обстоятельства, экономическая организация, интеллектуальные идеи, считалось невозможным сводить мотивы политических изменений к стадиям экономического развития или классовой борьбе в социоэкономической организации. Монистические или однофакторные подходы отражали статику и оказывались неспособными объяснить задачу политических изменений в рамках одной и той же эпохи³⁹.

Другая сложность была связана с тем, что перемены в политике не просто являются реакцией на факторную цепочку, но иногда – продукт осознанной воли людей. Поэтому, объясняя критерии поведения человека, Альберто Р. Колл считал, что мудрость внешнеполитического курса в новое время в том, если в историческом анализе, как писал Г. Баттерфильд, учитываются хотя бы три составляющие: историческая традиция, политическая практика и религиозные нормы⁴⁰. Возможно, что Елизавета Тюдор как раз проводила такой курс в международных отношениях. Весь характер ее деятельности был проникнут данными составляющими и индивидуальностью. В этом и заключается ее уникальность для историков.

SUMMARY

In article of the Dr Victor Mirinov is considered the problem of definition of the purposes and strategy of foreign policy of the English queen Elizabeth Tudor in illumination English historiography in the 50-80-th years.

